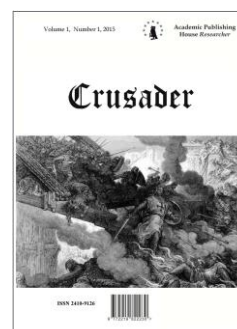

Copyright © 2018 by Academic Publishing House *Researcher* s.r.o.

Published in the Slovak Republic
 Crusader
 Has been issued since 2015.
 E-ISSN: 2413-7502
 Vol. 6, Is. 1, pp. 3-16, 2018

DOI: 10.13187/crus.2018.6.3
www.ejournal29.com

Articles

The Attitude of Muslims to Christians in the Eastern Mediterranean and the Image of a European in the Works of Muslim authors of the Era of the Crusades

Sergey L. Dudarev ^{a, *}

^a Armavir State Pedagogical University, Russian Federation

Abstract

This article presents the results of a comparative analysis of a number of works by medieval Muslim authors who examined the situation of the population of the Middle East regions conquered by the crusaders and in this regard gave their characteristics to the newcomers in terms of their perceptions of their culture, customs, habits, etc. Estimates of the eastern authors of the Middle Ages, given to European aliens, are usually based on negative stereotypes and are replete with negative epithets, although at the same time they also note the valor of Western warriors. They are the result of direct military clashes with the crusaders, who came to the land of the East with conquering purposes and oppressed the local population, as well as a persistent misunderstanding of another's cultural tradition. The latter stemmed from an insufficient degree of inter-civilizational exchange, largely due to religious precepts containing the idea of ritual impurity of the "infidels," and from a sense of the superiority of their culture. Not the least role in the emergence of a negative attitude towards European aliens was played by the Muslims' perception of their geographical space, endowed with negative connotations.

Keywords: Christianity, Islam, "Orientalism", Crusades, Eastern Mediterranean, Zimmi (Ahl-az-zimma), Pulens, The Church of the Dregs, al-ifranji.

1. Введение

В данной статье необходимо обратиться к проблеме, которая долгое время находилась на периферии внимания историков, занимавшихся темой крестовых походов. Труды по крестоносной тематике, долгое время, как правило, отражали взгляд на нее с «позиций Запада». В частности, что думали, жители завоеванных крестоносцами стран Восточного Средиземноморья о «франках», оставалось вне сферы исследовательского анализа. Между тем, восточные авторы XII-XIII вв., прежде всего, Усама Ибн-Мункыз, Ибн Джубайр, и некоторые другие (Ибн Мункыз Усама; Ибн Джубайр; Басов, Глаголько: 2010), оставили немало сообщений об отношениях мусульман и крестоносцев в Восточном Средиземноморье, описания обычаев и нравов европейцев и др. Сведения о европейцах можно встретить и в арабской народной литературе (Сират Зат аль-Химма и др.) (Хилленбранд, 2008: 256). При освещении рассматриваемой темы невозможно обойти вниманием как оставленные указанными средневековыми авторами сочинения, так и

* Corresponding author
 E-mail addresses: dudarev51@mail.ru (S.L. Dudarev)

работы современных западных историков, отдавших должное анализу этих и других сообщений, прежде всего, фундаментальное исследование К. Хилленбранд. В свете современных событий на Ближнем Востоке и Западной Европе, когда два мира вновь столкнулись лицом к лицу друг с другом, весьма актуально уделить внимание восприятию восточным населением образов европейцев (крестоносцев и прочих выходцев из Европы) и их мира. В фокусе нашего внимания будут черты культуры и быта, поведенческие стереотипы «франков», получившие преломление в менталитете жителей ближневосточных стран, подвергшихся вторжению крестоносцев, положение завоеванных ими мусульман.

Примечательно, что Западная Европа не была привлекательной для населения стран ислама, для которого их собственная культура представлялась более развитой и утонченной. Чувство превосходства, возникшее у жителей Ближнего Востока, в будущем было, возможно, одной из причин того, что они незаметно для себя отстали от западных стран. Впрочем, вполне вероятно, что на самом деле люди Востока могли даже не помышлять о Западе.

В этом смысле интересно размышление современных российских востоковедов о войнах сасанидского Ирана с Византией, важное для нас в той своей части, что Иран не искал себе союзников на Западе. «Можно ли считать, - рассуждают в этой связи авторы «Истории Востока», - что там просто не было сил, на которые можно было опереться? Или это материальное, явственное выражение разрыва между Западом и Востоком, невидимой границы, которая пролегла в сознании восточных политиков где-то по Балканам?» ([История Востока, 2002: 11](#)).

Как бы то ни было, мусульмане мало интересовались христианством, латинским и даже восточным, которое находилось с ними по соседству, более того, в странах ислама жили зимми (ахл-аз-зимма – «люди договора», араб.), являвшиеся, в том числе, христианами, жившими под покровительством мусульман ([Лекции по истории средневекового Востока, 2017: 42](#)). До начала Первого Крестового похода мусульмане уже имели сведения о франках и свои суждения о них, опиравшиеся на описания путешественников, рассказы военнопленных, пилигримов, купцов, дипломатов, географические сочинения и пр. Любопытно, что отрицательные стереотипы европейцев о мусульманах, связанные с предубеждениями, неверным, однобоким и искаженным восприятием их культуры и быта, входят в систему дискурса т.н. «ориентализма» (по Э.В. Саиду) ([Саид, 2006](#)). В таком случае, неверные представления жителей мусульманского Востока (да и Востока вообще) о европейцах и их мире (как мире Другого), о которых речь пойдет ниже, можно, если угодно, назвать «ориентализмом наоборот».

Так или иначе, но многие из ранних представлений мусульман о географии Западной Европы и ее жителях базировались на сочинениях Клавдия Птолемея (II в.), пользовавшихся большим авторитетом у исламских авторов. Поразительно, но европейские авторы в своих представлениях о географии мусульманского Востока также руководствовались античным наследием! Таким образом, ни та, ни другая сторона долгое время не имели современных и адекватных представлений друг о друге, что еще больше усиливало отчуждение между ними, помноженное на политическое и религиозное противостояние.

2. Материалы и методы

2.1. Рассматриваемая нами тема до сих пор относится к числу недостаточно изученных в отечественной историографии, что сообщает ей дополнительную актуальность. Она была практически не затронута авторами «Истории Европы» в очерке о международных отношениях Европы в XI-XIII вв. ([История Европы, 1992: 532-535](#)). Очень характерен очерк по истории крестовых походов в многотомной «Истории Востока», где упоминается лишь о положении мусульман в завоеванных крестоносцами областях Восточного Средиземноморья, но ничего не говорится о восприятии крестоносцев и вообще европейцев жителями Востока ([История Востока, 2002: 246-247](#)). Впрочем, справедливости ради нужно сказать, что и в том и другом случае трудно требовать многообразия сюжетов от небольших очерков, имевших подчиненный характер по отношению к содержанию этих обобщающих работ. Практически, одной из немногих на сегодняшний день, монографических работ на интересующую нас тему является монография С. И. Лучицкой ([Лучицкая, 2001](#)). Этот

ученый является и автором статей, которые представляют для нашей темы серьезное подспорье (Лучицкая, 2006: 319-350). Проблемы контактов христианского и мусульманского миров весьма подробно рассмотрены в ценном учебном пособии Т.Г. Мякина, Г.Г. Пикова и В.Л. Портных, давая как ценную общеисторическую канву, так и конкретные факты историографии (Деяния франков и прочих иерусалимцев, 2010). К взаимоотношениям мусульман и христиан периода крестовых походов обращались армавирские историки И.И. Басов и Т.Г. Глаголько, издавшие подборку восточных источников, освещавших данный вопрос (Басов, Глаголько, 2010). Из работ зарубежных историков особо хотелось бы отметить У. Монтгомери Уотта (Уотт, 1976), Х. Майера (Ибн Джубайр), Дж. Райли Смита и др. (Райли-Смит Дж. и др., 1998), Кэрл Хилленбранд (Хилленбранд, 2008), которые значительно расширяют наши представления о характере взаимоотношений мусульман и христиан, в том числе, в период крестовых походов. Еще одним важным исследованием, раскрывающим восприятие мусульманским миром событий крестовых походов и их участников – европейцев, является книга Амина Маалуфа (Маалуф, 2006), французского писателя ливанского происхождения. Основным источником о религиозных представлениях мусульман и их отношении к христианскому вероучению является Священный Коран (Коран, 1986).

2.2. В качестве материалов и источников для нашего исследования послужат работы ряда средневековых мусульманских авторов, современных зарубежных и отечественных историков и писателей, Интернет-ресурсы, и др. Методы, применяемый в нашей работе – метод анализа источников, историко-генетический, историко-сравнительный.

3. Обсуждение и результаты

Опираясь на весьма неточные сведения, мусульманские географы еще до крестовых походов делили мир на семь зон, или «климатов», среди которых наибольшие гармония и равновесие были свойственны третьей и четвертой зонам, которые включали в себя центральную часть арабский мира, Северную Африку, Иран и часть Китая. Франки же обитали в шестом «климате».

Они также как и славяне с тюрками, обитавшие тут же, занимались военным делом и охотой, темперамент их был меланхолическим, а сами они были людьми свирепыми, грязными и вероломными.

Все это удивительно напоминает одну фразу из древнеегипетского документа II тыс. до н.э.: «Подл азиат, плохо то место, в котором он живет». Чужая, незнакомая земля, «климат» и т.п. были наделены отрицательными коннотациями еще с древних времен, и их негативные качества переносились на людей. Подобный подход можно увидеть и в трудах такого знаменитого исламского автора как аль-Масуди (X в.), который был весьма осведомленным ученым-географом. Тем не менее, и он не избежал аналогичных ошибок, увязав холодный климат в странах славян, франков и их соседей, с грубостью их нравов, «тусклостью» разума и тяжелыми языками.

Но аль-Масуди несомненно превзошел его современник Ибн Аби-л-Аш'ас, персидский врач из Мосула (аль-Джазира), отказав людям из областей с холодным климатом в мудрости, уподобил их животным, и даже с уверенностью заявлял, что они, как животные, ежегодно линяют! Свою лепту в создании отрицательных стереотипов о европейцах до начала крестовых походов внесли и испанские мусульманские писатели (как христианские оттуда же – о мусульманах!) Но они хотя бы не отказывали франкам в том, что они – доблестные воины. Это качество подчеркивали и более поздние географы – аль-Казвини (XIII в.) и аль-Димишки (XIV в.), но одновременно неизменно отмечали, что франки – свирепые, вероломные, звероподобные и неопрятные создания. Повествует о них и популярная народная литература, где также фигурируют указанные выше качества, к которым добавляется еще и то, что у франков нет супружеской ревности, а их женщины сексуально распущены (Хилленбранд, 2008: 263-267). Эти представления укоренялись в сознании мусульман. Таким образом, ко времени крестовых походов, во всяком случае, у мусульманского населения, тем или иным образом получавшего информацию о западном мире, сформировались отрицательные стереотипы о нем и его представителях, как далеких от цивилизованных норм, хотя и отважных и доблестных.

Впрочем, когда началось вторжение крестоносцев, то жители Ближнего Востока воочию убедились на своем горьком опыте в наличии все тех же свирепости и вероломства у «франков», так что заочное знание ими людей Запада оказалось, в чем-то, вовсе не таким ошибочным... Тем не менее, отношения в государствах крестоносцев не могли строиться только на бесконечном терроре и насилии. Оставленные самими же мусульманскими авторами сведения прямо указывают на это.

Начнем с экономических отношений. Наиболее интересные сведения о них оставлены Ибн-Джубайром (*Ибн-Джубайр*). Проезжая в сентябре 1184 г. через Иерусалимское королевство он писал: «Все жители этих мест – мусульмане, они с франками в хороших отношениях – да сохранит нас Аллах от соблазна... Сердца большинства из них пропитались соблазном из-за того, что претерпевают их собратья, жители мусульманских деревень и поместий, ведь положение последних совсем не такое благополучное и легкое, как у них. Одно из бедствий, постигших мусульман, то, что мусульманская часть жалуется на притеснения ее своим же правителем и восхваляет поведение его противника и врага своего из франков, которого любят за его справедливость».

Комментарий, который дается к данному отрывку на соответствующем Интернет-сайте звучит следующим образом: «Тщательный анализ этого раздела «Путешествия» был проведен историком Х. Майером, привлечшим сравнительные данные об обложении всех групп сельского населения в Иерусалимском королевстве. Фактическая сторона вопроса у него совпадает с Ибн Джубайром. Разница в том, что Майер, сравнив уровень обложения мусульман с обложением местных христиан и переселенцев из Западной Европы, приходит к выводу о тяжелом обложении мусульман. Ибн Джубайр находит его легким, ибо сравнивает положение мусульман, подпавших под власть крестоносцев, с мусульманами, оставшимися под суверенитетом мусульманских государей. Х. Майер (а еще ранее — Кл. Казн) с полным основанием считают данный пассаж Ибн Джубайра примером пропаганды, направленной к мусульманским правителям с целью побудить их лучше относиться к крестьянам, выставляя франков в качестве примера (Н. Е. Mayer. *Latins, Muslims and Greeks in the Latin Kingdom of Jerusalem*, с. 181)» (*Ибн-Джубайр*). Как видим, то, что Ибн Джубайр выставляет отношение противника к мусульманам в качестве примера едва ли не добродетели, маркирует проблемы в лагере самих «правовверных» и указывает на то, что отношение завоевателей к людям, исповедующим ислам, едва ли было намного более худшим, чем «своих» угнетателей.

Еще один показательный отрывок из сочинения ибн-Джубайра также говорит о том, что положение мусульман под властью христиан было, условно говоря, не более критическим, чем под гнетом единоверцев: «Мы вышли из Тибнина — да уничтожит его Аллах! — на заре в понедельник. Наш путь проходил через непрерывный ряд деревень и возделанные земли, обитатели которых были мусульманами и жили в достатке рядом с франками — мы прибегаем к Аллаху, чтобы он удержал [их] от искушения! — при условии внесения франкам половины урожая во время его сбора и джизьи в размере одного динара и пяти киратов с головы. Кроме этого с них ничего более не требуют, исключая небольшой налог с плодовых деревьев. Им оставлены во владение их жилища со всем добром, и во всех городах сирийского побережья, которые находятся в руках франков, царит такой же порядок. Там все земли — деревни и села — остаются во владении мусульман. И сердца многих из них подвергаются испытанию, когда они видят положение их братьев в землях мусульман, и положение тех, которые ими управляют, ибо по благосостоянию и дружелюбному отношению оно обратно их положению. Это — одно из тягостных для мусульман явлений, они возмущаются притеснениями тех их единоверцев, которые ими управляют, и восхваляют поведение их соперников и врагов из франков, если они управляют ими, воздавая должное их справедливости».

Вслед за указанными выше коллегами можно, конечно, также считать этот пассаж таким же образцом пропаганды, что и вышеприведенный, но сам тот факт, что враги ислама «иронически» снова выставляются в качестве образца справедливости для своих единоверцев, говорит о многом. При этом вряд ли можно наименовать Ибн-Джубайра «либералом» тех времен или, еще того хуже, отщепенцем. Этот автор совершал два хаджжа в священные места ислама и умер во время третьего. Данного хаджи невозможно заподозрить в недобрых и неискренних намерениях в отношении мусульман. Ниже он с

гневом пишет об отступничестве одного магрибинца, перешедшего в христианство и заключает это сообщение показательными словами: «Мы просим Аллаха всемогущего и великого, чтобы он укрепил нас надежным словом на этом и том свете и чтобы он не дал нам отклониться от истинной веры, и дал нам умереть мусульманами, по его милости и состраданию!». При описании прохождения таможи Ибн-Джубайр вновь отмечает позитивные моменты в общении с ее работниками: «И все это делается с обходительностью и любезностью, без грубости и давки».

Говоря об иных сторонах общения мусульман и христиан, касающихся, например, конфессиональной свободы, этот автор приводит сведения о том, что в Акке (Акко, Акре) «находится мечеть, михраб которой остался в прежнем положении; франки устроили себе другой михраб в восточной ее части. Таким образом, здесь собираются и мусульмане, и неверные; находящиеся в одной молельне обращаются лицом к одному михрабу, находящиеся в другой — к другому. Тот, который находится в руках христиан, очень славен и тщательно охраняется; Аллаху угодно было сохранить здесь место для молитвы мусульман». Иными словами, культовые объекты мусульман далеко не всегда реквизировались завоевателями, но им оставялась возможность посещать мечети, превращенные в церкви, но по факту, являвшиеся храмами бифункционального назначения. Это репрезентативный пример известной терпимости крестоносцев к мусульманам в религиозном аспекте.

Важны и сведения Ибн-Джубайра о судьбе мусульман Тира. Во время его захвата крестоносцами часть жителей-мусульман, укрывшихся в пятничной мечети, хотела умертвить своих жен и детей, но исламские «законоведы и благочестивые люди» отговорили их от этого. После захвата города тирцы, исповедующие ислам «рассеялись по мусульманским землям, а те из них, кто пылал любовью к родине, приняли призыв вернуться и жить среди неверных, заключив с ними договор о безопасности на определенных условиях». Автор, таким образом, приводит, с одной стороны, пример мудрого решения об отказе от самоубийства (к чему призывает и Коран: 4:33:29) и затем о возврате в родные места и выживании там в «предлагаемых обстоятельствах», которое было возможно при определенной терпимости европейцев. С другой стороны, Ибн-Джубайр, будучи приверженным мусульманской риторике, осуждает тех своих единоверцев, которые находятся на земле неверных, исключая проезд через нее.

Он мотивирует это тем, что те, кто остались, находятся «на земле ислама, подверженной страданиям и злу, уготованным [мусульманам] в государствах неверных, то есть бедствиям и унижениям [со стороны] зиммиев». Очень важной стороной мотивировки в пользу отказа от проживания здесь служит то, что «[Мусульмане] вынуждены, например, выслушивать мерзкие слова, режущие сердца, по поводу того, что Аллах сделал святым и чье достоинство возвысил, особенно от их черни и самых низких людей. [К этим унижениям относятся] невозможность очищения и существование рядом со свиньями и прочим запретным, что невозможно перечислить и что не ограничивается сказанным. Остерегайтесь от въезда в их страну!».

Здесь мы сталкиваемся со звучавшей не только у Ибн-Джубайра проблемой сакральной нечистоты всего того, что связано с миром «неверных», которая является одной из центральных в общении мусульман и христиан на территории Восточного Средиземноморья. Кстати, при описании Акки-Акры у этого автора звучит характерная фраза: «Она погрязла в неверии и беззаконии, отвратительная, грязная, полная отбросов и нечистот». Не следует понимать эти слова буквально. Да, хорошо известно, что средневековые европейские города не отличались чистотой. Но этот город, хотя и находившийся под властью крестоносцев в тот момент, был городом, населенным, по сути дела, прежде всего, мусульманами. Города Ближнего Востока накануне западного вторжения были куда более благоустроенными, чем в Европе. Здесь был водопровод, парки, решался вопрос с ассенизацией (Мец, 1996: 375-381). Поэтому речь идет, прежде всего, о грязи и нечистотах, прежде всего, носящих религиозно-ритуальный характер (см. ниже). Резко отрицательным является отношение Ибн-Джубайра к элите христиан. Он называет графа Раймунда Триполийского «проклятый граф... которого описывают как хитрого и коварного», а Агнессу де Куртене, мать прокаженного иерусалимского короля Балдуина IV — «свинья, известная как королева, которая является матерью хряка». Это описание также

имеет религиозные коннотации, поскольку свинья в исламе является нечистым животным, и перекликается с упомянутой только что темой сакральных нечистот.

В настоящей статье нет необходимости исчерпывающе цитировать и комментировать все высказывания ибн-Джубайра относительно общения мусульман и христиан, наблюдавшегося им во время своего первого хаджа. Важно то, что жизнь мусульман под властью христиан, при всех ее нелегких, а то и тяжелых, издержках (в том числе морального и ритуального характера в рамках мусульманского религиозного мировосприятия) в изображении этого автора, хотя и камуфлируется исламской риторикой, но представляется, тем не менее, сносной* (как, не будем забывать, и жизнь зиммиев под властью мусульман!) для повседневного существования. В то же время, территория, связанная с пребыванием христиан, а также образы тех или иных конкретных их представителей, особенно носителей властных функций, характеризуются резко отрицательно (то же самое можно видеть и у Баха ад-Дина, который не жалеет негативных эпитетов для вождей крестоносцев) (Баха ад-Дин, 2009: 35, 145, 208 и др.)[†].

Ярким источником по истории мусульmano-христианских взаимоотношений периода крестовых походов является произведение Усамы ибн Мункыза «Книга Назидания» (Китаб ал-и'Тибар) (Ибн-Мункыз). Остановимся на некоторых наиболее выразительных фрагментах этого сочинения, которое не раз служило предметом обсуждения специалистов, в том числе, К. Хилленбранд (2009).

Это сочинение содержит разнообразные сведения о франках, которых Усама наблюдал в течение своей долгой жизни (а он прожил 93 года!) (Ибн Мункыз). Они могут быть распределены по своему содержанию на те, в которых идет речь о военно-политических отношениях мусульман и европейцев, в том числе, связанных с ними контактах личностного характера, а также те, которые дают представления о восприятии Усамой франкских обычаев, нравов и религии (Басов, Глаголько, 2010: 8-10, 14-16, 19-20).

Военно-политический аспект отношений демонстрирует разброс от резко враждебных, заканчивавшихся грабежом и убийствами, за которые никто не нес ответственности, до попыток, причем небезуспешных, регулировать конфликтные ситуации, и даже перехода фигурантов одной из сторон в лагерь противника[‡].

Так, проплывая мимо Акки, судно мусульман, на котором находились близкие родственники Усамы, имевшие пропуск от иерусалимского короля, подверглось, несмотря на это, ограблению со стороны франков. При этом король, фактически проигнорировал свой пропуск, сославшись, по сути, на мусульманское «береговое право» в части присвоения имущества терпящих бедствие у исламских берегов. Мало того, чтобы формально соблюсти

* Мы не имеем в виду находившихся на территории крестоносных государств мусульманских невольников, о которых Ибн Джубайр пишет с большим сочувствием («Одно из горестных зрелищ, которым мы были свидетелями, находясь в стране [франков], – это пленные мусульмане, влачащие оковы и выполняющие тяжелые работы, причем с ними обращаются, как с рабами. То же следует сказать и о пленных мусульманках с железными цепями на ногах, вид которых надрыгает сердце. Но к ним не проявляют никакого сострадания»).

[†] Известным исключением в этом смысле был король Ричард Львиное Сердце, который удостоился от Баха ад-Дина не только проклятий и ироний. Этот мусульманский автор не смог удержаться и от больших комплиментов в адрес этого врага, писав, например, о его силе, великом бесстрашии и решительности, опыте, и т.п. (Баха ад-Дин, 2009: 35, 242, 251 и др.).

[‡] Баха ад-Дин описывает случай, когда группа мусульман, переодетшись в одежду франков, села на большой корабль в Бейруте, тяжело груженный продовольствием и сумела пробраться через вражеский флот в осажденную Акру. При этом в виде камуфляжа эти люди не только сбрили бороды, но и нарочито поместили свиней и кресты (вот главные маркеры христианства в восприятии носителей ислама!) на видных местах, чтобы не оставить никаких сомнений в своей конфессиональной принадлежности. Однако причина успеха этих предприимчивых людей была, прежде всего, в том, что они общались с франками на их языке, по-видимому, безо всякого акцента (Баха ад-Дин, 2009: 203-204). Значит ли это, что в армии Салах ад-Дина были люди, прекрасно владеющие французским? Соблазнительно было бы предположить, что данный факт можно было бы отнести на счет тесных контактов воюющих сторон в языковой сфере. Впрочем, А. Шамдор другого мнения. Он полагает, что переодетые мусульмане, выдававшие себя за европейцев, были, по большей части, франками-рenegатами (Шамдор, 2004: 259).

факт крушения, люди короля, как сообщает Усама, «подрубили корабль топорами на глазах наших людей», т.е. мусульман, шедших на этом судне, т.е. творили откровенный разбой. Пассажиры были обобраны франками на огромную сумму в 30 тыс. динаров, а «добрый» король выдал им по 500 динаров на дорогу (Ибн-Мункыз). Усама не раз подчеркивает в своем сочинении коварство и вероломство франков, причем, весьма изошренное. Таков эпизод с Танкредом, правителем Антиохии в 1104-1112 г., который дал слово мусульманину по имени Хасанун, который был у него с визитом, что отпустит его на свободу, если он попадет к нему в плен во время сражения, и одарил Хасануна богатыми подарками. Правда, по поводу данного обещания Усама делает интересную оговорку: «Так, по крайней мере, полагал Хасанун, потому что франки говорят по-франкски, и мы не понимаем, что они говорят». Захватив затем Хасануна в плен, франки захотели выколоть ему оба глаза, но Танкред приказал выколоть ему только правый глаз для того, чтобы закрыть этому человеку обзор в бою, когда тот, оказавшись на свободе и пожелая воевать с мусульманами, будет нести щит. Этот случай служит у Усамы одним из наглядных подтверждений его сентенции относительно того, что «у франков...нет ни одного из достоинств, присущих людям, кроме храбрости». В другом случае, Усама повествует о том, как жители Шейзара, родного города этого автора, ограбили и убили группу в 700-800 паломников, заблудившихся в пути и ошибочно пришедших в этот населенный пункт. Особенно отвратительно выглядел поступок одной женщины, описываемый Усамой. Одного из этих пленников привели к ней домой. Обобрав его, она позвала соседей, которые убили пленника и других таких же несчастных, по воле случая оказавшихся в Шейзаре...^{*} Этот эпизод еще раз напоминает, насколько экстремальной была стезя пилигрима[†].

Наряду с этими и другими откровенно негативными эпизодами, Усама приводит ряд случаев, когда мусульмане и франки во время конфликтов имели дипломатические контакты, ведшие к их разрешению. В этих случаях большое значение имели личные связи представителей обеих сторон. Так, во время нападения графа Эдесского Жоселена на владения мусульман были захвачена добыча и пленные. Но благодаря визиту одного из мусульманских предводителей к Жоселену, Наджм ад-Даула Малика, с которым у графа, как пишет Усама, была давнишняя дружба», гостю был оказан почет, а скот и пленники были возвращены (Ибн-Мункыз).

Положительные контакты между враждующими сторонами, как ни парадоксально, имели место и во время сражений, когда порой имели место «братания» крестоносцев и воинов ислама. Во время осады Акры, несмотря на ожесточенные боестолкновения, те и другие «настолько привыкли друг к другу, встречаюсь в бою, что иногда мусульманин и франк выходили из боя, чтобы поговорить. Иногда противники собирались вместе, пели и танцевали, до такой степени они узнали друг друга, а затем продолжали воевать». Дело дошло до того, что был устроен борцовский «турнир» между двумя отрядами подростков с двух сторон (Баха ад-Дин, 2009: 158). О фактах дружбы франков и мусульман говорят и сообщения Усамы ибн Мункыза, например, это: «Многие франки обосновались в наших землях и подружились с мусульманами, эти франки гораздо лучше тех, кто недавно приехал из франкских стран, но они исключение, по которому нельзя судить вообще» (Ибн Мункыз). Этот фрагмент сочинения Усамы наглядно свидетельствует о том, что крестоносцы «первой волны», т.н. пулены, адаптировавшись в местных условиях, сумели в известной мере приспособиться к традициям и культуре местного населения. К данному наблюдению Усама возвращается не раз. В другом месте своего труда он вновь замечает, что «все франки, лишь недавно переселившиеся из франкских областей на восток, отличаются более грубыми нравами, чем те, которые обосновались здесь и долго общались с мусульманами». И это

^{*} Конечно, погибшие таким образом паломники получили то, к чему они, в идеале, стремились – мученическому венцу, уподобившись при этом Господу (у мусульман умерший во время хаджа также становится мучеником – шахидом). Но если бы у них был выбор – погибнуть или остаться в живых – выбрали ли бы они мученический «сценарий»?

[†] Тот же Усама описывает случай, когда сын одной женщины, выданной замуж за франка (по-видимому, не по ее воле) и убившей своего супруга, хитростью заманивал франкских паломников и затем убивал их с помощью матери, которая, надо думать, продолжала мстить за свою неудавшуюся судьбу.

верное заключение. В каких-то случаях уровень адаптации пуленов мог достигнуть и состояния, близкого к аккультурации.

Здесь стоит вспомнить эпизод из Третьего крестового похода, описанный у Баха ад-Дина. Желая захватить мощную крепость Шакиф Арнун (Бофор или Бельфор), принадлежавшую тамплиерам, Салах ад-Дин прибыл с войсками под ее стены. В лагерь султана явился граф Рено Сидонский, командовавший в этой крепости, который решил действовать хитростью, видя большое преимущество противника, обложившего крестоносцев со всех сторон. Он буквально покори́л всех своими манерами, которые Баха ад-Дин назвал очаровательными. Зная арабский язык, разбираясь в истории и религии ислама, Рено и в следующие свои посещения вел компетентные богословские споры с Салах ад-Дином, будучи при этом изысканно политичен, говоря «очень хорошо и выражал свои мысли с великой скромностью и учтивостью» (Баха ад-Дин, 2009: 140). Он заявил султану, что он его слуга, пообещал сдать крепость, и испросил себе убежище в Дамаске после своей предполагаемой сдачи, а также дохода, достаточного для содержания себя и семьи на новом месте... Одним словом, Рено Сидонский три месяца успешно водил мудрого Салах ад-Дина за нос. Игра Рено была, наконец, понята мусульманами, в связи с чем Баха ад-Дин называл его в своей рукописи, как проклятого Аллахом человека (куда только делись его очаровательные манеры?), но время было безнадежно упущено. Рено великолепно играл свою роль до самого конца. В финале срежиссированного им спектакля он разыграл сцену, в которой, находясь в окружении нескольких офицеров султана, «велел своим людям сдать замок, но получил отказ». Затем, к нему из замка вызвали священника, с которым Рено поговорил на «их языке», причем, вполне возможно, что не по-французски, а на латыни, которую мусульмане, вероятно, не знали, после чего крестоносцы стали оказывать еще большее сопротивление... Пленника доставили обратно в лагерь мусульман, применили «ужасные угрозы», но все было напрасно (Баха ад-Дин, 2009: 150).

Высказанное выше предостережение Усама основывалось не на пустом месте – таких выходцев из Европы, как Рено Сидонский, было немного. Остальных Усама ибн Мункыз буквально клеймит следующей фразой, которая закрепляет его негативные выпады против них: «Всякий, кто хорошо понимает дела франков... увидит во франках только животных, обладающих достоинством доблести в сражениях и ничем больше, так же как и животные обладают доблестью и храбростью при нападении». При этом Усама имел друзей среди европейцев, о чем сообщает сам. Так, в войсках короля Фулько был всадник, который, как пишет ибн Мункыз, пользовался большим почетом и подружился с этим автором. Он называл Усаму «брат мой». «Между нами была большая дружба, и мы часто посещали друг друга» - сообщает этот мусульманский писатель и рыцарь. Кстати, Усама не называет его по имени; как такое может быть между названными братьями? Ответ один – это «братство» или «дружба» до некоего предела, когда «брат», по сути дела, не субъектен. Тот, кто именовал Усаму «братом» предложит ему взять его сына с собой в Европу, чтобы он там познакомился с рыцарями и рыцарскими обычаями, стал «настоящим умным человеком». Но для ибн Мункыза это предложение его «друга» было полным безумием («плен не был бы тяжелее, чем поездка в страну франков»). Под благовидным предлогом он отказался от него. Еще одним выразительным эпизодом, который показывает истинное отношение мусульман к дружбе с франками, является тот, когда Усама описывает впечатление своего товарища-единоверца, вместе с большим другом ибн-Мункыза из числа франков, занимавших высокое положение, побывавшего в гостях у одного рыцаря в Антиохии. Мусульманин держался в гостях настороженно, так как опасался съесть что-либо «нехаляльное», но получив заверения хозяина в том, что на столе нет свиного мяса, приступил к трапезе, хотя и соблюдал осторожность. Через некоторое время после этого застолья гость рыцаря проходил по местному рынку и был опознан одной христианкой, которая узнала в нем убийцу своего брата. Но тот самый рыцарь спас своего бывшего гостя, заявив, что это купец, который не принимает участие в боях. Ключевое значение имеет вывод из этой истории. Рассказавший ее Усаме человек резюмировал: «Мое спасение от смерти было следствием того, что я у него поел» (Ибн-Мункыз). Такой вывод в устах восточного человека, мусульманина, звучит нарочито абсурдно. Есть такое понятие, как законы гостеприимства. Когда кто-то с кем-то «преломил хлеб», это имеет важное ритуальное и социо-ментальное значение. Уж где-где, а на Востоке знали и знают очень

хорошо, что гостя нужно не только накормить, но и защитить. Поэтому Усама ибн-Мункыз, с одной стороны, подтверждает свой вывод о том, что франки-старожилы лучше недавних пришельцев из Европы, но с другой - не «поправляя» своего информанта, дает понять, что эта адаптированность завоевателей к местным нравам вовсе не извиняет их действий в целом как и присутствия на Востоке. Дружба с европейцами, среди которых у Усамы были и такие влиятельные (хотя одновременно и одиозные: вспомним отношение к ним Салах ад-Дина!) люди, как тамплиеры, хорошо адаптированные к культуре Востока*, открывала возможность для контактов в условиях сложной обстановки постоянных войн и столкновений и решения жизненных проблем. Она имела у этого представителя мира ислама (и не только его одного) преимущественно прагматический и ограниченный временем и ситуациями характер, связанный, например, с необходимостью выкупа своих единоверцев из плена (этот автор был посредником в таких операциях между европейцами и мусульманами) (Ибн-Мункыз), но не сопряженный с привязанностями чисто человеческого характера.

Это обстоятельство ярко подтверждает и такой эпизод. По рассказу все того же Усамы ибн-Мункыза, мусульмане взяли в плен некоего Роберта, владельца двух замков, который был в то время другом атабега Дамаска Туттегина и Наджм ад-Дина Ильгази, и вместе с ними действовал против другого мусульманского предводителя Бурсука ибн-Бурсука. Судя по тексту Усамы, Роберт готов был оказать самое широкое гостеприимство атабегу, говоря: «Отдаю тебе во власть всю мою страну» (это напоминает формулы вроде: «Ты мой гость, все мое – твое»). Но вот Роберт попал в плен к своим «друзьям» (!), которых вполне можно назвать «заклятыми». Один из них, Наджм ад-Дин, отослал его другому, т.е. атабегу Дамаска. И тот, увидев приближающегося Роберта, вышел к своему «другу» и без лишних слов отрубил ему голову мечом. После чего Туттегин получил выговор от Наджм ад-Дин, который, цинично рассчитывая получить за «друга» десять тысяч динаров выкупа, оказывается, отправил Роберта к Туттегину, чтобы тот поугал пленника на предмет увеличения «цены вопроса». Атабег грубовато отшутился: «Я не умею лучше пугать, чем так»[†] (Ибн-Мункыз). Впрочем, и франки вели себя в таких же ситуациях не намного лучше (см. выше историю о Танкреде и Хасануне).

Особенно негативны наблюдения Усамы о бытовой, а также медицинской культуре и практиках европейцев. То, что творят европейские врачи в сочинениях этого автора со своими пациентами, похоже, скорее, на пытки или чудовищные издевательства, но порой и просто обыкновенные убийства (Басов, Глаголько, 2010: 15). В то же время, не будем забывать, что уровень европейской медицины в то время оставлял желать много лучшего[‡], так что в рассказах Усамы можно увидеть карикатуры на европейские методы лечения.

Не лучше и то, что Усама ибн-Мункыз рассказывает о повседневных привычках франков, связанных с поведением на улице, дома, и прежде всего в бане, особенно с участием женщин. Данные ситуации превосходно разобраны К. Хилленбранд (Хилленбранд, 2008: 267-339), поэтому здесь нет необходимости их пересказывать. Отметим самое главное. Как полагает этот исследователь, между Усамой и его читателями существует некий тайный сговор, когда он сознательно описывает странные чудачества франков. Историк считает, что данный автор сознательно эксплуатирует целый ряд предрассудков и предубеждений по отношению к франкам, зная, что его читатели разделяют эти взгляды и

* Об этом говорит и известный случай с посещением Усамой ибн Мункызом маленькой мечети, превращенной в церковь, рядом со знаменитой Аль-Аксой, где ему разрешили молиться его друзья-тамплиеры. Когда Усама начал молиться по кибле, т.е. на юг, некий франк, который оказался числа недавно прибывших в Святую землю людей, неоднократно пытался заставить мусульманина совершать молитву, обратившись на восток. Объяснившие Усаме причину конфликта тамплиеры избавили своего друга от назойливого блюстителя канонов христианства, оттащив того в сторону (Ибн Мункыз).

[†] Данная ситуация очень напоминает некоторые эпизоды отношений горцев и русских на Северном Кавказе в первой половине – середине XIX в., когда горец мог сказать своему русскому кунаку: «Я мирный, а в горах не попадайся».

[‡] О том, что «плохи наши лекаря», писал еще М.Ю. Лермонтов много веков спустя. Между тем, как известно, россияне во время «Кавказской войны» в критических случаях обращались к горским «хакимам», носителям традиций восточной медицины.

им понравятся иллюстрирующие их истории. «Баннные сцены», описываемые Усамой, вписали в себя все представления мусульман о франках, как грубых, безнравственных, дурно воспитанных людях, у которых нет должного уважения к своим женщинам. Параллельно, высмеивая ситуации, которые, по сути, представляют собой готовый анекдот, автор укрепляет ценности мусульманского общества, к которым негласно адресована мораль, обращенная к читателю. При этом Усама не только выставляет франков, как людей, у которых нет этикета цивилизованных людей. То, например, что некий муж-европеец является рогоносцем, увязывается с тем, что он виноторговец. Одно неприемлемое для мусульманина свойство мужчины, обусловлено другим, запрещенным Кораном в принципе для любого члена исламского общества занятием (К.: 5:92:90; 5:93:91).

О нюансах взаимоотношений и образов друг друга, возникавших между мусульманами и крестоносцами можно было бы говорить еще долго. Отсылая читателя к многочисленным работам специалистов по крестовым походам, подведем итоги нашего анализа.

4. Заключение

В течение почти двух столетий крестоносцы и мусульмане жили бок о бок в Сирии, однако это не привело к взаимному пониманию. Литературные источники, описывающие походы, как мусульман, так крестоносцев, создали ограниченный набор отрицательных стереотипов. На них основывается, с одной стороны, пренебрежительное, усугубленное страхом и презрением, отношение христианского мира к средневековым мусульманам, с другой – мусульманский образ христиан (Уотт, 1976: 119). Арабские источники неизменно рисуют франков как отвратительных, грязных и похотливых животных, сам контакт с которыми оскверняет. Храм Гроба Господня именуется «церковью отбросов», т.е. носителем ритуальной нечистоты. Христианские священники, по утверждению этих источников, будто бы склоняют прихожанок к проституции. Панегирист Салах-ад-дина, Имад ад-Дин ал-Исфахани называет франков не иначе, как «мушиным роем» и «бескрылой саранчой». Страна франков, т.е. территория христианской Европы, расположенная за Пиренеями, у арабов еще ранее была известна как Ифранджа, а у персов и тюрок как Фаранджистан. Как подчеркивает К. Хилленбранд, слово ал-ифранджи («франкский») использовалось как одно из обозначений сифилиса, который именовали «франкской язвой». Кроме этих названий крестоносцы были известны под различными стереотипными уничижительными именами и оскорбительными эпитетами вроде «дьяволы», «собаки», «свиньи» и т.п. (Хилленбранд, 2008: 295).

Тем не менее, является фактом то, что представители мусульманской и франкской военной аристократии не только воевали друг с другом, но и поддерживали дипломатические и светские отношения (это мы видели выше на репрезентативном примере жизни Усамы ибн-Мункыза и некоторых других представителей мусульманского Востока). Им случалось приятно проводить время в обществе друг друга, вместе обедать, охотиться, вести утонченные беседы о религии ислама (Салах ад-Дин и Рено Сидонский), называть друг друга «братьями». Тот же Усама имел возможность совершать намаз в бывшей мечети, куда его допускали друзья-тамплиеры и даже оберегали там от наскоков христиан-ортодоксов. Но попадаться друг другу на поле битвы им не следовало: названных «друзей» убивали или калечили*. Мусульмане и христиане торговали друг с другом, купцы постоянно курсировали между Дамаском и христианской Акрой. Ибн Джубайр отмечал, что «солдаты занимались своей войной, а люди жили мирно». Однако, несмотря на подчас тесные связи мусульман с христианами, культурообмен был не столь велик. Близость совсем не обязательно подразумевает понимание и искреннюю дружбу. Согласно трактату «Море драгоценных добродетелей», книги чужеземцев не заслуживали того, чтобы их читали; к

* В качестве удаленной исторической параллели напрашивается еще один эпизод из событий на Северном Кавказе в середине XIX в. Когда на поле сражения встретились офицер Генштаба, военный разведчик Ф.Ф. Торнау и хаджи Джансеид, один из трех беглых кабардинцев, у которых россиянин два с лишним года находился в плену, они, увидев друг друга издали, раскланялись как два старых приятеля. Но затем хаджи бросился вместе с отрядом горцев рубить казаков, засевших в рощице, а Торнау отправил на помощь сослуживцам орудие. Картечный залп прервал жизненный путь хаджи Джансеида (Торнау, 2000: 295).

тому же «любой, кто верит в рождение Бога из чрева женщины, совершенно безумен; с ним не следует разговаривать, у него нет ни разума, ни веры» (Райли-Смит и др., 1998: 317). И это подтверждается еще одним фрагментом из сочинения Усамы ибн-Мункыза, когда мусульмане были неприятно поражены, увидев на иконе изображение младенца Иисуса с Богородицею, принесенное одним из крестоносцев эмиру Му'ин ад-Дину. И это можно понять, ибо в Коран неоднократно подчеркивается, что у Всевышнего Аллаха нет ни друзей, ни детей, ни сотоварищей (К.: 3:57-64; 4:51:48; 4:116:116 и др.), а попытка приписать их ему является, по сути, ересью.

Из мусульманских источников мы находим свидетельство того, что некоторые франки знали арабский (например, об этом свидетельствуют Усама и Баха-ад-Дин). Видимо, они учили этот язык с практическими целями. Одиозный Райнальд де Шатийон, правитель Керака, знал арабский и находился в тесных сношениях с бедуинами Трансиордании. Райнальд (Рено) Сидонский не только говорил по-арабски, но и взял к себе на службу арабского учёного для составления комментариев к книгам на этом языке и компетентно обсуждал, как уже было сказано выше, религиозные темы с представителями мусульманской элиты. Однако на Латинском Востоке очень мало было переведено арабских книг, да и арабы со своей стороны не проявляли никакого интереса к западной литературе. Мусульманские и христианские аристократы на Ближнем Востоке могли восхищаться доблестью друг друга, но, чаще всего, не интересовались чужой культурой. Даже тогда, когда познания мусульман о франках стали более глубокими, мусульмане продолжали придерживаться старых полемических позиций в отношении христианства. В культурном отношении крестоносцы на Ближнем Востоке испытали на себе привлекательность некоторых черт мусульманской жизни и по возвращении домой пытались подражать им. В государствах крестоносцев было сделано несколько переводов арабских трудов на латынь. Совершенно очевидно, что крестовые походы вызвали среди европейских ученых и рост интереса к исламу как религии. Что же касается мусульман, то время их интереса к культуре Запада еще не наступило. Визуальные образы же его жителей, как и их соседей по Восточному Средиземноморью, в отличие от европейцев, интересовавшихся миром ислама и изображавших его и самих мусульман и пусть и в неточном, ошибочном, и даже искаженном виде (Лучицкая, 2001), носителей ислама не занимали. Можно, конечно, сказать, что в исламе был запрет на изображения. Однако во времена крестовых походов он был далеко не абсолютным (Лекции по истории средневекового Востока, 2017: 58-59). Будучи ревностными блюстителями идеи ритуальной чистоты и фанатичными сторонниками своего вероучения, что весьма характерно для религиозной идеологии средних веков, мусульмане не хотели пятнать себя контактами с «неверными». В недалеком будущем это привело к отставанию мира ислама от Европы, его торможению и попаданию в зависимость от некогда проигравшего ему «крестовые войны» соперника.

Литература

Деяния франков и прочих иерусалимцев, 2010 – Деяния франков и прочих иерусалимцев. Перевод на русский язык и комментарий: учебно-методическое пособие/ Мякин Т.Г., Пиков Г.Г., Портных В.Л. Новосибирск. гос. ун-т. Новосибирск, 2010. 251 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://methodichka.x-pdf.ru/15istoriya/638207-1-deyaniya-frankov-prochih-ierusalimcev-perevod-russkiy-yazik-kommentariy-uchebno-metodicheskoe-posobie-novosibirsk-udk-94.php>

Басов, Глаголько, 2010 – Басов И.И., Глаголько Т.Г. Система взаимоотношений европейцев и мусульман в XII-XIII веках (времена первых крестовых походов) / Под ред. С.Л. Дударева. Армавир, 2010. 28 с.

Баха-ад-Дин, 2009 – Баха-ад-Дин Абу-л-Махасин Йусуф ибн Рафиш ибн Тамим. Саладин. Победитель крестоносцев. СПб.: Диля, 2009. 432 с.

Бернард, 2003 – Бернард Л. Ислам и Запад (диалог). М., 2003. 320 с.

Ибн Мункыз – Ибн Мункыз Усама. Книга Назидания (Китаб ал-и'Тибар) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.e-reading.club/book.php?book=73550> (дата обращения: 15.05.19).

Ибн Джубайр – Ибн Джубайр. Путешествие просвещенного писателя, добродетельного, проникательного Абу-л-Хусайна Мухаммада Ибн Ахмада Ибн Джубайра

Ал-Кинани Ал-Андалуси Ал-Баланси, да будет милосерден к нему Аллах. [Электронный ресурс]. URL: <http://vostlit.narod.ru/Texts/rus7/Jubeir/framepred.htm> (дата обращения: 15.05.19).

Ибн ал Асир – *Ибн ал Асир*. Полный свод всеобщей истории / История крестовых походов в документах и материалах / Ред. М. А. Заборов. М., 1977. С. 62-63.

История Европы, 1992 – История Европы. Т.2. Средневековая Европа. М.: Наука, 1992. 808 с.

История Востока, 2002 – История Востока. В 6 т. Т.2. Восток в средние века. М.: Восточная литература, 2002. 716 с.

Коран – Коран. Пер. Ю.И. Крачковского. Изд. 2-е. М.: Главная редакция восточной литературы «Наука», 1986. 495 с.

Лекции по истории средневекового Востока, 2017 – Лекции по истории средневекового Востока / Под ред. С.Л. Дударева. Армавир, 2017. 152 с.

Лучицкая, 2001 – *Лучицкая С.И.* Образ Другого: мусульмане в хрониках крестовых походов. СПб.: Алетейя, 2001. 412 с.

Лучицкая, 2006 – *Лучицкая С.И.* Христианско-мусульманская полемика по поводу изображений в эпоху крестовых походов / Одиссей. Человек в истории. Феодализм под судом историков. М.: Наука, 2006. С. 319-350.

Маалуф, 2006 – *Маалуф А.* Крестовые походы глазами арабов. 2006 [Электронный ресурс]. URL: https://royallib.com/book/maaluf_amin/krestovie_pohodi_glazami_arabov.html (дата обращения: 25.05.19).

Мец, 1996 – *Мец А.* Мусульманский Ренессанс. М.: «ВиМ», 1996. 544 с.

Райли-Смит и др., 1998 – *Райли-Смит Дж., Булл М., Ллойд С. и др.* История крестовых походов / Пер. с англ. Е. Дормана. М., 1998. 495 с.

Торнау, 2000 – *Торнау Ф.Ф.* Воспоминания кавказского офицера. М.: АИРО-XX, 2000. 368 с.

Саид, 2006 – *Саид Э.В.* Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб.: Русский мир, 2006. 638 с.

Уотт, 1976 – *Уотт У.М.* Влияние ислама на средневековую Европу. М., 1976. 128 с.

Хилленбранд, 2008 – *Хилленбранд К.* Крестовые походы. Взгляд с Востока: мусульманская перспектива. СПб.: Диля, 2008. 672 с.

Шамдор, 2004 – *Шамдор А.* Саладин: благородный герой ислама. СПб., 2004. 352 с.

References

Deyaniya frankov i prochih ierusalimcev, 2010 – Deyaniya frankov i prochih ierusalimcev [The Acts of the Franks and Other Jerusalemmites]. Perevod na russkij yazyk i kommentarij: uchebno-metodicheskoe posobie. Myakin T.G., Pikov G.G., Portnyh V.L. Novosibirsk. gos. un-t. Novosibirsk, 2010. 251 p. [Elektronnyj resurs]. URL: <http://metodichka.x-pdf.ru/15istoriya/638207-1-deyaniya-frankov-prochih-ierusalimcev-perevod-russkiy-yazik-kommentariy-uchebno-metodicheskoe-posobie-novosibirsk-udk-94.php> [in Russian]

Basov, Glagol'ko, 2010 – *Basov I.I., Glagol'ko T.G.* (2010). Sistema vzaimootnoshenij evropejcev i musul'man v XII-XIII vekah (vremena pervyh krestovyh pohodov) [The system of relations between Europeans and Muslims in the XII-XIII centuries (the times of the first crusades)]. Pod red. S.L. Dudareva. Armavir, 28 p. [in Russian]

Baha-ad-Din, 2009 – *Baha-ad-Din Abu-l-Mahasin Jusuf ibn Rafii ibn Tamim* (2009). Saladin. Pobeditel' krestonoscev [Saladin. The winner of the crusaders]. SPb.: Dilya, 432 p. [in Russian]

Bernard, 2003 – *Bernard L.* (2003). Islam i Zapad (dialog) [Islam and the West (dialog)]. M., 320 p. [in Russian]

Ibn Munkyz – *Ibn Munkyz Usama*. Kniga Nazidaniya (Kitab al-i'Tibar) [Book of Edification] [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.e-reading.club/book.php?book=73550> (data obrashcheniya: 15.05.19). [in Russian]

Ibn Dzhubajr – *Ibn Dzhubajr*. Puteshestvie prosveshchennogo pisatelya, dobrodetel'nogo, pronicatel'nogo Abu-l-Husajna Muhammada Ibn Ahmada Ibn Dzhubajra Al-Kinani Al-Andalusi Al-Balansi, da budet miloserden k nemu Allah [The journey of an enlightened writer, virtuous, insightful Abu l-Husayn Muhammad Ibn Ahmad Ibn Jubair Al-Kinani Al-Andalusi Al-Balansi, may Allah be

merciful to him]. [Elektronnyj resurs]. URL: <http://vostlit.narod.ru/Texts/rus7/Jubeir/framepred.htm> (data obrashcheniya: 15.05.19) [in Russian]

Ibn al Asir – *Ibn al Asir* (1977). Polnyj svod vseobshchej istorii [Complete set of general history]. Istoriya krestovyh pohodov v dokumentah i materialah. Red. M. A. Zaborov. M. P. 62-63. [in Russian]

Istoriya Evropy, 1992 – Istoriya Evropy [History of Europe]. T.2. Srednevekovaya Evropa. M.: Nauka, 808 p. [in Russian]

Istoriya Vostoka, 2002 – Istoriya Vostoka [History of the East]. V 6 t. T.2. Vostok v srednie veka. M.: Vostochnaya literatura, 716 p. [in Russian]

Koran – Koran. Per. Yu.I. Krachkovskogo. Izd. 2-e. M.: Glavnaya redakciya vostochnoj literatury «Nauka», 1986. 495 p. [in Russian]

Lekcii po istorii srednevekovogo Vostoka, 2017 – Lekcii po istorii srednevekovogo Vostoka [Lectures on the history of the medieval East]. Pod red. S.L. Dudareva. Armavir, 2017. 152 p. [in Russian]

Luchickaya, 2001 – *Luchickaya S.I.* (2001). Obraz Drugogo: musul'mane v hronikah krestovyh pohodov [Image of the Other: Muslims in the chronicles of the Crusades]. SPb.: Aletejya, 412 p. [in Russian]

Luchickaya, 2006 – *Luchickaya S.I.* (2006). Hristiansko-musul'manskaya polemika po povodu izobrazhenij v epohu krestovyh pohodov [Image of the Other: Muslims in the chronicles of the Crusades]. Odissej. Chelovek v istorii. Feodalizm pod sudom istorikov. M.: Nauka, pp. 319-350. [in Russian]

Maaluf, 2006 – *Maaluf A.* (2006). Krestovye pohody glazami arabov [Crusades through the eyes of the Arabs]. [Elektronnyj resurs]. URL: https://royallib.com/book/maaluf_amin/krestovie_pohodi_glazami_arabov.html (data obrashcheniya: 25.05.19). [in Russian]

Mec, 1996 – *Mec A.* (1996). Musul'manskij Renessans [Muslim renaissance]. M.: «ViM», 544 p. [in Russian]

Rajli Smit i dr., 1998 – *Rajli Smit Dzh., Bull M., Llojd S. i dr.* (1998). Istoriya krestovyh pohodov [History of the Crusades]. Per. s angl. E. Dormana. M., 495 p. [in Russian]

Tornau, 2000 – *Tornau F.F.* (2000). Vospominaniya kavkazskogo oficera [Memoirs of a Caucasian officer]. M.: AIRO-HH, 368 p. [in Russian]

Uott, 1976 – *Uott U.M.* (1976). Vliyanie islama na srednevekovuyu Evropu [The influence of Islam on medieval Europe]. M., 128 p. [in Russian]

Hillenbrand, 2008 – *Hillenbrand K.* (2008). Krestovye pohody. Vzglyad s Vostoka: musul'manskaya perspektiva [Crusades. A look from the East: a Muslim perspective]. SPb.: Dilya, 672 p. [in Russian]

Said, 2006 – *Said E.V.* (2006). Orientalizm. Zapadnye koncepcii Vostoka [Orientalism. Western concept of the East]. SPb.: Russkij mir, 638 p. [in Russian]

Shamdor, 2004 – *Shamdor A.* (2004). Saladin: blagorodnyj geroj islama [Saladin: a noble hero of Islam]. SPb., 352 p. [in Russian]

Отношение мусульман к христианам в Восточном Средиземноморье и образ европейца в произведениях мусульманских авторов эпохи крестовых походов

Сергей Леонидович Дударев ^{a,*}

^a Армавирский государственный педагогический университет, Российская Федерация

Аннотация. В данной статье представлены результаты сравнительного анализа ряда произведений средневековых мусульманских авторов, рассматривавших положение населения завоеванных крестоносцами областей Ближнего Востока и в этой связи дававших свои характеристики пришельцам с точки зрения отношения своего восприятия их культуры, обычаев, нравов, привычек и т.п. Оценки восточных авторов средневековья,

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: dudarev51@mail.ru (С.Л. Дударев)

дававшихся европейским пришельцам, как правило, основаны на отрицательных стереотипах и изобилуют негативными эпитетами, хотя одновременно отмечают и доблесть западных воинов. Они являются следствием как прямых военных столкновений с крестоносцами, пришедшими на землю Востока с завоевательными целями, и угнетавшими местное население, так и стойкого непонимания чужой культурной традиции. Последнее происходило как от недостаточной степени межкультурного обмена, во многом обусловленной религиозными предписаниями, содержащими идею ритуальной нечистоты «неверных», так и от чувства превосходства своей культуры. Не последнюю роль в возникновении негативного отношения к европейским пришельцам сыграло и восприятие мусульманами их географического пространства, наделяемого отрицательными коннотациями.

Ключевые слова: христианство, ислам, «ориентализм», крестовые походы, Восточное Средиземноморье, зимми (ахл-аз-зимма), пулены, «церковь отбросов», аль-ифранджи.